

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУПЕЧЕСКОГО И ВОЛОСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Степанова Ю.П.

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия

Статья посвящена исследованию процессов трансформации институтов местного самоуправления в России начала XX века. Автор дает характеристику заключительного этапа в истории местного самоуправления Российской империи на примере Новгородской губернии. Анализируются основные тенденции эволюции правового регулирования, определившие результативность практики самоуправления на местах. Особое внимание уделяется проблеме организации самоуправления на уровне уездов. Аргументируется неэффективность реализации идеи создания системы местного самоуправления в условиях Российской империи. Проблемы бюрократизации самоуправления рассматриваются на примере трансформации купеческого и волостного самоуправления. Формирование органов самоуправления в коммерческой сфере по профессиональному принципу позволяло государству бюрократизировать и, тем самым, поставить под полный контроль данный вид экономической деятельности и наиболее прибыльную отрасль хозяйства. В исследовании впервые введены в научный оборот архивные документы, позволяющие объективно оценить намерения центральной власти в отношении преобразования сословного самоуправления в профессиональное, постепенной замены уже устоявшихся форм самоуправления общественными организациями. Доказывается декларативность и популистский характер реформ местного самоуправления. Обосновывается факт отсутствия интереса со стороны населения провинциальных губерний к иницилируемым сверху преобразованиям городского и сельского общества. За-

TRANSFORMATION OF MERCHANT AND VOLOST SELF-GOVERNMENT AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN NOVGOROD PROVINCE

Stepanova Yu.P.

Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

The article is devoted to the study of the processes of transformation of local government institutions in Russia at the beginning of the 20th century. The author gives a description of the final stage in the history of local self-government of the Russian Empire on the example of the Novgorod province. The main trends in the evolution of legal regulation, which have determined the effectiveness of local self-government practice, are analyzed. Particular attention is paid to the problem of organizing self-government at the county level. The ineffectiveness of the implementation of the idea of creating a system of local self-government in the conditions of the Russian Empire is argued. The problems of bureaucratization of self-government are considered on the example of the transformation of merchant and volost self-government. The formation of self-government bodies in the commercial sphere on a professional basis allowed the state to bureaucratize and thereby place this type of economic activity and the most profitable sector of the economy under full control. In the study, for the first time, archival documents were introduced into scientific circulation, allowing to objectively assess the intentions of the central government regarding the transformation of estate self-government into a professional one, the gradual replacement of already established forms of self-government by public organizations. The declarative and populist nature of the local government reforms is proved. The fact of the lack of interest on the part of the population of the provincial provinces to the transformations of urban and rural society initiated from above is substantiated. The author

трагируется проблема превращения системы самоуправления в контролируемое звено управления населением, способное значительно облегчить нагрузку административного аппарата по реализации общесоциальной, фискальной и правоохранительной функций государства. Анализ документальной базы позволил автору прийти к выводу о том, что одним из катализаторов революционных настроений и недовольства населения на местах в начале XX века стала неэффективная реализация идеи создания системы самоуправления в Российской империи.

Ключевые слова: земство; крестьянское самоуправление; купечество; Новгородская губерния; органы местного самоуправления; реформа.

touches upon the problem of transforming the self-government system into a controlled link in the management of the population, which can significantly ease the burden of the administrative apparatus for the implementation of general social, fiscal and law enforcement functions of the state. Analysis of the documentary base allowed the author to come to the conclusion that one of the catalysts of revolutionary sentiments and discontent of the population in the field at the beginning of the twentieth century became an ineffective implementation of the idea of creating a system of self-government in the Russian Empire.

Keywords: zemstvo; peasant self-government; merchants; Novgorod province; local government bodies; reform.

История становления и развития системы самоуправления в России досоветского периода делится на несколько периодов, самым популярным из которых у исследователей является эпоха реформ Александра II и «контрреформ» Александра III. Значительно меньшее внимание в научной литературе уделяется эволюции системы самоуправления на завершающем этапе истории Российской империи.

К 1917 г. в России успела сформироваться весьма разветвленная система органов самоуправления, учитывавшая административно-территориальное, сословное, профессиональное деление населения империи. Кроме того, как верно отмечает И.В. Архипкин, существовали многочисленные «особые» формы самоуправления, включая самоуправление национальных территорий, университетов и т.д. При этом, как считает автор, изолированность самоуправляющихся сообществ делала их уязвимыми перед центральной властью и потому составляла недостаток всей системы самоуправления [Архипкин, 2009]. Действительно, полная подконтрольность правительству и администрации на местах была одним из главных признаков отечественной системы органов местного самоуправления. Между тем сама идея, заложенная изначально центральной властью в основу создания системы самоуправления, сводилась к попытке обеспечить еще одно хорошо контролируемое звено управления населением, способное значительно облегчить нагрузку административного аппарата по реализации общесоциальной, фискальной и правоохранительной функций государства.

Великие реформы Александра II, запустившие процесс либерализации общества, пробудили управленческий потенциал народа, но не обеспечили его реализацию. Последовавшие затем «контрреформы» Александра III выявили действительные намерения центральной власти в отношении преобразования системы управления огромной страной. Цели сводились к как можно более плавному переводу экономики на рельсы буржуазного развития при полном сохранении действовавшего по-

Образец цитирования:

Степанова Ю.П. Трансформация купеческого и волостного самоуправления в начале XX века на примере Новгородской губернии // BENEFICIUM. 2020. № 4 (37). С. 88-96. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.4\(37\).88-96](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.4(37).88-96)

For citation:

Stepanova Yu.P. Transformation of Merchant and Volost Self-Government at the Beginning of the XX Century in Novgorod Province // BENEFICIUM. 2020. No. 4 (37). pp. 88-96. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.4\(37\).88-96](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.4(37).88-96)

литического режима, привилегий господствующей элиты. Вся тяжесть реформ должна была лечь на плечи трудового населения, которому под видом предоставления возможностей самоуправления навязывалась ответственность за реализацию широкого спектра экономических и социальных функций на местном уровне.

Особенно показательным в проявлении истинной природы самоуправления стал период последнего двадцатилетия в истории Российской империи. К этому времени назрела необходимость «очистить» систему местного самоуправления от остаточных признаков сословности. Однако сделать это безболезненно, быстро и эффективно не удалось. Примером тому служат попытки оптимизировать институты купеческого и волостного управления.

Документы из архивного фонда Новгородского купеческого старосты позволяют составить представление о степени активности купеческого самоуправления в начале XX века. Списки купцов г. Новгорода за 1906-1914 гг. по состоянию на 1 марта 1907 г. включали 44 фамилии (32 – купцы; 12 – купчихи) [ГАНО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 23. Л. 3-4]. Сохранился «Доклад купеческого старосты о своей деятельности за 1909 г.», написанный на бланке приговоров Новгородского купеческого общества 22 января 1910 г. Из доклада следует, что старостою в 1909 г. являлся купец М.Н. Тележкин, который «ввиду истечения срока службы» счел должным «доложить Купеческому обществу краткие сведения по выполнению данных обществом поручений и постановлений». В докладе говорится о трех проведенных в отчетном году заседаниях купеческого общества, на которых было рассмотрено 12 вопросов. Например, на январском заседании были рассмотрены и заслушаны отчеты старосты по следующим вопросам: «1) Городская управа изъявила согласие на приглашение купеческого старосты для осмотра Гостиннодворного здания по выяснению необходимого ремонта. Осмотр состоялся 21 мая 1909 г., и на нем я участвовал. Приглашения же на участие при осмотре произведенного в отчетном году ремонта я не получал. 2) Согласно постановления Купеческого общества принимал участие на съезде по разработке вопроса и реформе положения о Государственном промысловом налоге. 3) По поручению Общества я снесся с Правлением Городского страхового общества о присылке приглашений купеческому обществу, так как до этого времени повестки не присылались, Купеческое общество не принимало участия в делах Страхового общества ...» [ГАНО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-1 об.].

«В заседании 17 апреля было рассмотрено отношение городского Управления о даче Купеческим обществом заключения по поводу возбужденного городом ходатайства о продлении взимания сбора в пользу города с привозимых по железной дороге товаров. В видах городского благоустройства Купеческое общество признало желательным продление взимания этого сбора, о чем мною и сообщено городскому Управлению». На заседании 9 ноября решался вопрос об участии купечества в сборе единовременного пожертвования на увековечение памяти русских воинов, павших на войне с Японией. Было собрано сто пять рублей, «каковая сумма и внесена в Петербургское казначейство под квит. № 20722 25 ноября 1909 г.» [ГАНО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 26. Л. 2]. Таким образом, общественная деятельность Купеческого общества в основном сводилась к организации пожертвований и сборов на общественные нужды. Однако в отношении решения собственных проблем, например вопроса о восстановлении права собственности на городскую коммерческую недвижимость или реального участия в работе органов городского самоуправления, Купеческое общество вынуждено было констатировать отсутствие у себя каких-либо реальных правомочий. Так, в докладе купеческий староста сообщал: «В комиссии, избранной Думою

для рассмотрения вопроса о принадлежности Гостиннодворного здания, было пока одно заседание. ... большое внимание было уделено делу по Гостиннодворному зданию за 1721-1725 гг., в котором имеется выписка из указа Петра Великого о пожаловании означенного здания (новгородскому купечеству). Я три раза обращался с письменными просьбами в Городскую управу о выдаче копии этого документа, но Управа ограничилась лишь отписками, а просимой копии не прислала. Затем считаю долгом доложить Купеческому обществу, что в отчетном году мною велась довольно обширная переписка с Городским управлением по поводу невнесения Городскою управою Купеческого общества в список лиц и учреждений, имеющих право принимать участие в выборах городских гласных. Городская управа отказалась внести в избирательный список Купеческое общество, как не представившее крепостных документов, а внесла Гостиннодворное здание, как уплачивающее городской сбор» [ГАНУ. Ф. 469. Оп. 1. Д. 26. Л. 2 об.].

Заметное снижение активности купечества в общественной жизни городов было обусловлено политикой центральной власти. Суть ее сводилась к постепенной замене уже устоявшихся форм самоуправления общественными организациями, в рамках которых должно было осуществляться взаимодействие общественных и коммерческих объединений с государственными органами с целью выработки единых правил коммерческой деятельности, согласования экономических стратегий как на местном уровне, так и на уровне государства в целом. Однако намерения государства в отношении трансформации купеческого самоуправления вызывали серьезные опасения самого купечества. Так, городские управы губернии в 1914 г. (25 апреля) получили официальное письмо Санкт-Петербургской купеческой управы за № 1993. Старшина столичного купеческого сословия и председатель Санкт-Петербургской купеческой управы И. Крюков сообщал о том, что «... Министерство Торговли и Промышленности составило проект закона о выборных учреждениях торгово-промышленного класса. По этому проекту намечены к учреждению вновь Торговые Палаты, к которым должно перейти право расходования тех сумм, которые взимаются ныне с промысловых свидетельств и расходуются Купеческими управами и Управами Купеческих старост на нужды всего торгово-промышленного класса». По мнению Санкт-Петербургской купеческой управы, такие факты, как и разрабатываемый Министерством внутренних дел проект закона нового Городового положения, указывают, что «купеческим обществам угрожает серьезная опасность, что для них наступил ныне критический момент, и что жизнь настоятельно требует от купеческих обществ собраться и сообща обсудить свои дела». Ввиду этого предлагалось созвать Всероссийский съезд купеческих старшин и старост «для урегулирования всевозможного рода вопросов, являющихся следствием возможного проведения в жизнь вышеупомянутых законопроектов» [ГАНУ. Ф. 613 Оп. 1. Д. 1. Л. 146-147 об.].

Таким образом, купеческое самоуправление постепенно утрачивало свой сословный статус, оставаясь профессиональным. Это лишало купцов прав сословно-корпоративного представительства в городских думах, т.е. в управлении городом, и создавало угрозу для финансовой независимости купечества. Формирование органов самоуправления в коммерческой сфере по профессиональному принципу позволяло государству бюрократизировать и, тем самым, поставить под полный контроль данный вид экономической деятельности и наиболее прибыльную отрасль хозяйства.

Анализ взглядов литеральных представителей российской юриспруденции конца XIX – начала XX веков позволяет современным авторам заключить, что уже на том этапе в рамках правовой теории сформировалось обоснование необходимости

делегирования органам местного самоуправления властных полномочий, что исключало возможность четкого разграничения государственных и местных интересов. Как следствие, теоретиками права оправдывалась необходимость контроля за органами самоуправления со стороны центральной власти [Грязнова, Бучакова, 2019]. К слову говоря, бюрократизация на тот период коснулась практически всех форм самоуправления в Российской империи. Так, И.А. Коновалов отмечает характерную для развития казачьего сословного самоуправления в Западной Сибири и Северном Казахстане тенденцию превращения атаманов в чиновников войсковой и уездной администраций [Коновалов, 2020].

«Бюрократизированные» формы самоуправления правительство стремилось распространить на все социальные и профессиональные слои и группы. Особое внимание в этой связи привлекает политика государства в отношении организации крестьянского самоуправления в начале XX века. Реформа 1861 г. наделила крестьян статусом свободных сельских обывателей, имеющих право создавать собственные органы общественного управления. Однако изначально реализация данного права была поставлена под жесткий контроль административных органов и полиции. Крестьяне оказались «статистами в масштабном спектакле». Основными единицами крестьянского самоуправления являлись сельский сход и сельский староста. По желанию и возможности сход мог утвердить ряд особых должностей, например смотрителей хлебных магазинов или лесных сторожей. Создаваемые в уездах сельские общества объединялись в волости. Волостное управление, в свою очередь, также было представлено сходом, старшинами, правлением и волостным судом.

К сожалению, документальные свидетельства о функционировании волостного управления в Новгородской губернии слишком фрагментарны. Судить о системе выборов можно по данным Памятных книжек Новгородской губернии. Так, в Памятной книжке за 1902 г. размещен «Список волостей Новгородской губернии по срокам выборов должности по общественному крестьянскому управлению». Список был утвержден Губернским присутствием «на основании 3 п. прим. 5 к ст. 112 Пол. О крест., по постановлению 18-го ноября 1893 г.» (таблица 1) [ПКГН, 1902].

Таблица 1. Список волостей Новгородской губернии по срокам выборов должности по общественному крестьянскому управлению [ПКГН, 1902]

Уезды	Волости по очередям выборов		
	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Новгородский	1. Любанская 2. Марьинская 3. Грузинская 4. Тесовская 5. Коситская 6. Трясовская 7. Николаевская 8. Ново-Николаевская	1. Апрксинская 2. Чудовская 3. Самокражская 4. Ракомская 5. Броницкая 6. Медведская	1. Пельгорская 2. Сп. Полистская 3. Высоковская 4. Селогорская 5. Черновская 6. Троицкая 7. Подберезская 8. Шимская

Каковы же были результаты реализации права крестьян на самоуправление? В основном в архивных фондах сохранились уведомления Губернского присутствия об изменениях в составе сельских общин. Т.е. сельские сходы обращались к губернской администрации с ходатайствами об образовании сельских обществ или изменении границ волостей. Сопровождавшие данные изменения процедуры были многоступенчатыми и достаточно сложными, что не всегда учитывалось сельскими сходами.

15 июня 1917 г. Виленское волостное правление информировало Старорусскую земскую управу о том, что «... граждане Деревницкого погоста Городецкой волости представили приговор от 5 июня сего года, в коем просили Виленское волостное собрание о присоединении к Виленской волости, выставляя все факты о разных неудобствах оставаться на будущее время при Городецкой волости. Виленское волостное собрание, рассмотрев приговор граждан деревни Деревники и переговорив между собою, и уважив просьбу, постановило принять граждан деревни Деревники в Виленскую волость. На основании означенного постановили просить Старорусскую земскую управу принять к сведению. При том, какая будет переписка, касающаяся граждан деревни Деревники, то оную направлять не в Городецкую волость, а в Виленскую» [ГАО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 48. Л. 109-109 об.].

На аналогичный запрос крестьян деревни Острова от 17 августа 1917 г. из Новгородского губернского присутствия в Старорусскую уездную земскую управу поступило разъяснение: «Ввиду того, что на основании примечания к ст. 2 Временного Положения о волостном земском управлении изменение границ волостей предоставляется уездным земским собраниям, Губернское Присутствие препровождает дело № 432-1917 г. / 1016-1916 г. / по ходатайству крестьян Городецкой волости, деревни Острова, Старорусского уезда о перечислении в Славитинскую волость того же уезда, на распоряжение Уездной земской управы по принадлежности» [ГАО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 48. Л. 112]. Распоряжения же об образовании сельских обществ издавало именно губернское присутствие: «Губернское Присутствие, рассмотрев дело по ходатайству крестьян Новгородского уезда Пельгорской волости, поселков Кондуй и Царево об образовании из них сельского общества под названием «Кондуйского», определило: с 1 января 1915 г. образовать из группы крестьян пос. Кондуя и Царево в составе 26 домохозяев, проживающих в Пельгорской волости на собственной земле, самостоятельное Кондуйское сельское общество, предложив земскому начальнику 1 участка Новгородского уезда дать распоряжение о выборе в новом обществе сельского старосты и о взыскании с вновь образованного общества 3 р. 01 коп., которые представить в Присутствие на изготовление знака и печати для сельского старосты» [ГАО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 446. Л. 2-2 об.].

Практика санкционирования решений органов земского управления со стороны губернских присутствий подчеркивала ограниченность полномочий местного самоуправления. Недаром в научной литературе существует мнение об отсутствии оснований определения земских и городских учреждений после контрреформ Александра III в качестве состоявшихся органов местного самоуправления [Шрейдер, 2005].

М.Н. Матвеев и О.В. Турганова считают, что именно 1917 г. должен был стать кульминационным в развитии самоуправления в России. Преобразование после Февральской революции местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права позволило бы обеспечить «реальное осуществление народоправства через местное самоуправление». Реформа волостного управления рассматривалась Временным правительством как ключевая задача в данном направлении. Однако на пути ее решения стояла очевидная кадровая проблема ввиду того, что волостные земства предстояло формировать в основном из неграмотных крестьян [Матвеев, Турганова, 2019]. Кроме того, как отмечают И.И. Санжаревский и А.Р. Александров, Временное правительство, провозгласив местное самоуправление в качестве основы нового российского государства, проявило непоследовательность в проведении преобразований и не решило качественные проблемы самоуправления [Санжаревский, Александров, 2018].

Не сразу была учтена еще одна проблема, выражавшаяся в отсутствии интереса со стороны самих крестьян к иницилируемым сверху преобразованиям сельского общества. Из доклада Старорусской уездной земской управы уездному земскому собранию о результатах выборов 24 сентября (7 октября по новому стилю) волостных и уездных земских гласных следует, что на фоне многочисленных политических потрясений избирательная кампания оказалась фактически «проваленной». «Выборы волостных гласных по уезду производились по сельским избирательным участкам, для чего уезд был разбит на 167 районов. Для производства выборов Управою были приглашены председатели и члены волостных избирательных комиссий из числа лиц, имевших право участия в выборах. Результаты выборов по уезду оказались следующие: по 13 волостям уезда, за избранием полного состава гласных, выборы местной административной властью признаны правильными, по 7 волостям – за избранием 2/3 гласных, предложено провести дополнительные выборы, по одной волости – Шотовской – за избранием менее одной трети гласных, также предложено произвести дополнительные выборы, и по 5-ти волостям, как то: Белебелковской, Губинской, Залучской, Славитинской и Черемницкой, выборы отменены, и предложено вновь таковые провести. Таким образом, в настоящее время из 26-ти волостей уезда правильно функционируют 20. Остальные находятся в стадии организации. Несколько иначе производились выборы уездных земских гласных: не по сельским избирательным районам, а по волостным участкам, для чего уезд был разбит на восемь избирательных округов и 26 участков. Хотя выборы были назначены по всему уезду в один день 24 сентября, тем не менее, выборное производство по разным техническим соображениям доставлялось медленно и было закончено лишь 18-го октября. Результаты выборов пока неизвестны, т.к. все выборное производство доставлено г. Губернскому Комиссару для просмотра. Но имеются основания полагать, что по некоторым участкам выборы будут отменены. Докладывая о вышесказанном, Управа считает, что население к выборам гласных в массе, и в особенности в крестьянской среде, отнеслось индифферентно. Причиной подобного явления отчасти служило то обстоятельство, что выборы производились в период окончания полевых работ, а также вследствие того, что на местах не имелось интеллигентных работников, могущих разъяснить цели и значение Земства ...» [ГАНУ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 48. Л. 104-104 об.]. Подобная ситуация была характерна для страны в целом. Например, результаты выборов в Ижевское земство также продемонстрировали «поразительную холодность и непростительное безразличие» граждан [Бехтерев, Бехтерева, 2017].

Таким образом, сущность института земства в конце второго десятилетия XX века была все еще непонятна большей части населения России. Попытки Временного правительства наладить диалог с обществом посредством очередной реформы местного самоуправления успеха не имели. Отсутствие показательных результатов в выборах в волостное земство подтолкнуло новую власть к началу кампании по Выборам в Учредительное собрание. Однако, тем самым, Временное правительство лишь затягивало решение многих важных вопросов и демонстрировало свою неспособность «проводить политику в интересах широких масс» [Судацков, 2009].

Земская избирательная система в целом оказалась в весьма шатком состоянии, т.к. процесс реализации Постановления Временного правительства «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» только начался, когда «грянула» Октябрьская революция. Большевики сумели «уловить» распространенное в городской и сельской среде настроение недоверия к бюрократизированной «верхушке» земского и городского управления и предложили народу альтернативу для само-

управления в виде советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Суть проблемы во взаимоотношениях основной массы населения и «централизованных бюрократических структур», как точно определил С.В. Востриков, состояла в неспособности последних стать доминирующим фактором формирования гражданского общества. Реформы 1860-70 гг. способствовали развитию местного самоуправления и элементов гражданского общества, но, одновременно, вели к усилению классовой дифференциации и дестабилизации общества [Востриков, 2002].

Таким образом, есть все основания считать, что одним из катализаторов революционных настроений и просто недовольства населения на местах в начале XX века стала неэффективная реализация идеи создания системы самоуправления в Российской империи.

Библиография

- Архипкин И.В. Формирование структур и трансформация задач местного самоуправления в России XIX – начала XX вв. // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2 (45). С. 3-10.
- Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н. Местное самоуправление в ретроспективе имперского и раннесоветского периода (на материалах Ижевска) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2017. Т. 27. № 4. С. 535-543.
- Востриков С.В. Трансформация местного самоуправления в дооктябрьской России // Россия и современный мир. 2002. № 4 (37). С. 171-183.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. 103. Оп. 1. Д. 48. Л. 104-104 об.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. 103. Оп. 1. Д. 48. Л. 109-109 об.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. 103. Оп. 1. Д. 48. Л. 112.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. 139. Оп. 1. Д. 446. Л. 2-2 об.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. 469. Оп. 1. Д. 23. Л. 3-4.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. 469. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-1 об.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. 469. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. 469. Оп. 1. Д. 26. Л. 2 об.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. 613 Оп. 1. Д. 1. Л. 146-147 об.
- Грязнова Т.Е., Бучакова М.А. Местное самоуправление в осмыслении либеральных представителей российской юриспруденции конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 5-14.
- Коновалов И.А. Особенности местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана в XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 578-590.
- Матвеев М.Н., Турганова О.В. Исторические и правовые аспекты введения волостного земства Временным правительством // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 7-12.
- ПКГН. Памятная книжка Новгородской губернии. 1902. С. 183.
- Санжаревский И.И., Александров А.Р. Историческая ретроспектива местного самоуправления в системе разделения публичной власти в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 166-173.
- Судаев Д.Н. Разработка Временным правительством России правовых основ реформирования местного самоуправления // Социология власти. 2009. № 8. С. 139-146.
- Шрейдер В.Ф. Основные этапы политического развития самоуправления в России // Вестник Омского университета. 2005. № 2. С. 68-71.

References

- Archipkin I.V. Formirovanie struktur i transformatsiya zadach mestnogo samoupravleniya v Rossii XIX – nachala XX vv. [The formation of structures and task transformation of local self-government in Russia of the late XIX – early XX centuries] // Siberian Law Herald. 2009. No. 2 (45). pp. 3-10. (In Russ.).
- Bekhterev S.L. & Bekhtereva L.N. Local self-government in the retrospective of the imperial and early soviet period (on the materials of Izhevsk) // Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology. 2017. Vol. 27. No. 4. pp. 535-543. (In Russ.).
- Vostrikov S.V. Transformatsiya mestnogo samoupravleniya v dooktyabr'skoy Rossii [Transformation of local self-government before the Bolshevik Revolution] // Russia and Contemporary World. 2002. No. 4 (37). pp. 171-183. (In Russ.).
- SANR. State Archives of the Novgorod Region. Ф. 103. Оп. 1. Д. 48. Л. 104-104 об. (In Russ.).
- SANR. State Archives of the Novgorod Region. Ф. 103. Оп. 1. Д. 48. Л. 109-109 об. (In Russ.).
- SANR. State Archives of the Novgorod Region. Ф. 103. Оп. 1. Д. 48. Л. 112. (In Russ.).
- SANR. State Archives of the Novgorod Region. Ф. 139. Оп. 1. Д. 446. Л. 2-2 об. (In Russ.).
- SANR. State Archives of the Novgorod Region. Ф. 469. Оп. 1. Д. 23. Л. 3-4. (In Russ.).
- SANR. State Archives of the Novgorod Region. Ф. 469. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-1 об. (In Russ.).
- SANR. State Archives of the Novgorod Region. Ф. 469. Оп. 1. Д. 26. Л. 2. (In Russ.).
- SANR. State Archives of the Novgorod Region. Ф. 469. Оп. 1. Д. 26. Л. 2 об. (In Russ.).
- SANR. State Archives of the Novgorod Region. Ф. 613 Оп. 1. Д. 1. Л. 146-147 об. (In Russ.).
- Gryaznova T.E. & Buchakova M.A. Local self-government in comprehension of liberal representatives of Russian jurisprudence of the late XIX – early XX centuries // Tomsk State University Journal of Law. 2019. No. 33. pp. 5-14. (In Russ.).
- Konovalov I.A. Local self-government among the cossacks of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the 19th and early 20th centuries // RUDN Journal of Russian History. 2020. Vol. 19. No. 3. pp. 578-590. (In Russ.).
- Matveev M.N. & Turganova O.V. Historical and legal aspects of introduction of volost zemstvo by the Interim government // Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2019. Vol. 25. No. 2. pp. 7-12. (In Russ.).
- PKNG. Pamyatnaya knizhka Novgorodskoy gubernii [BNG. Book of Novgorod Governorate]. 1902. p. 183. (In Russ.).
- Sanzharevsky I.I. & Alexandrov A.R. Historical retrospective of local self-government in the system of separation of the public power in Russia // State and Municipal Management. Scholar Notes. 2018. No. 3. pp. 166-173. (In Russ.).
- Sudavtsov D.N. The Provisional government's development of basis of law in local governments' reformation // Sociology of Power. 2009. No. 8. pp. 139-146. (In Russ.).
- Shreyder V.F. Osnovnye etapy politicheskogo razvitiya samoupravleniya v Rossii [Main stages in the political development of self-government in Russia] // Herald of Omsk University. 2005. No. 2. pp. 68-71. (In Russ.).

Об авторе / Author

Юлия Павловна Степанова – аспирант, кафедра теории государства и права, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия / **Yuliya P. Stepanova** – Graduate Student, Department of Theory of State and Law, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
E-mail: yulia4444@inbox.ru.